

Каково предназначение этих маленьких металлических кружков или бумажек, которые сами по себе вроде бы не служат никакой полезной цели, тем не менее постоянно переходят из рук в руки в обмен на самые нужные и полезные товары. Да что там, за которые любой человек готов отдать продукты своего производства [1].

*Карл Менгер, основатель Австрийской
экономической школы, 1892 год*

В 2009 году Северная Корея сделала нечто необычное даже по северокорейским меркам. Страна выпустила новые деньги, убрав с банкнот два нуля, теперь один вон (валюта Северной Кореи) новых денег становился эквивалентом ста вон по прежнему курсу [2]. В сущности, это не новый прием: в прошлом разные страны эмитировали новые деньги с меньшим количеством нулей, используя такой подход как инструмент борьбы с инфляцией. А Бразилия в 1994 году вообще ввела новые деньги — реал, который заменил донельзя ослабленный инфляцией крузейро. Правительство страны объявило, что каждый новый реал будет стоить 2750 крузейро.

Если старые деньги свободно обмениваются на новые, потребителям от этого ни холодно ни жарко. Представьте, например, что в США нет бумажных купюр и все цены указываются в центах. И вот однажды правительство объявляет, что монеты больше не принимаются в качестве законного платежного средства, и предлагает обменять каждые сто центов на новые деньги, доллар, после чего все цены будут установлены в долларах. Продукт по цене двести теперь будет стоить два. С точки зрения покупательной способности это ровным счетом ничего не меняет. Люди, имеющие много центов, просто стали бы владельцами множества долларов. Конвертировать

банковские счета было бы еще проще: каждый счет уменьшился бы на два порядка. Казалось бы, цены снизились (отсюда и статус этой меры как инструмента борьбы с инфляцией), но с точки зрения накопленного богатства богатые люди по-прежнему оставались бы богатыми, а бедные бедными, но только не в центах, а в долларах.

Любой человек старше шести лет знает, что пять долларов ничем не отличаются от пятисот центов. Да что там, даже детей помладше можно обмануть не больше пары раз. Просто после такого обмена денег нам не пришлось бы носить в карманах кучу монет. Магазины перестали бы принимать центы, но если бы вы случайно нашли у себя под диванными подушками триста центов, то всегда могли бы отнести их в банк и обменять на доллары. Скажем, бразильцам для обмена старых крузейро на новые реалы дали почти год. А в некоторых европейских странах, таких как Германия, правительство намерено бессрочно обменивать старые монеты и банкноты (немецкую марку) на евро. И страна делает это, хоть и перешла с марки на евро более пятнадцати лет назад.

Но Северная Корея — это вам не другие страны. При проведении денежной реформы правительство объявило, что на новые деньги можно обменять только ограниченное количество старых — около 690 долларов по официальному обменному курсу (всего 35 долларов по курсу черного рынка)*. Понятно, что в такой ситуации любой обладатель больших сумм в старой валюте непременно потеряет значительную часть накопленного богатства. Именно это и произошло в Северной Корее. Правительство страны все больше раздражала бурная деятельность воротил черного рынка, буквально сидевших на мешках с наличными, за пределами официальной, нормированной национальной экономики. И вот, одним росчерком властного пера (или каким-то иным способом, которым Верховный лидер Кореи обнару-

* Официальный обменный курс далеко не всегда отражает реальную рыночную стоимость национальной валюты, особенно в таких странах, как Северная Корея. Поскольку северокорейский вон за пределами страны фактически ничего не стоит, остальная часть мира не стремится накапливать эту валюту. В результате каждый, кто хочет обменять ее на более полезную международную валюту, например доллары или китайские юани, быстро понимает, что вон стоит гораздо меньше по сравнению с оценкой правительства страны. Скажем, к концу 2013 года по официальному обменному курсу один доллар обменивался на 96 вон, а по курсу черного рынка, по которому менялы добровольно обменивают доллары на воны, — на 8 тысяч вон. James Pearson, Black Market Gets Some Respect in North Korea, New York Times, November 4, 2013.

свои решения) правительство конфисковало львиную долю этого незаконно накопленного богатства.

Многие рядовые жители Северной Кореи, стараясь избежать голода зимой и весной, тоже делали запасы наличных. Сразу после объявления денежной реформы в редких новостях, просачивавшихся из Северной Кореи, говорилось о «хаосе на рынках и железнодорожных станциях», потому что все дружно устремились домой, чтобы успеть обменять старые деньги на новые [3]. На это людям отвели всего сутки. Один перебежчик рассказывал автору *The New Yorker* Барбаре Демик: «За один день мы лишились всех своих сбережений. Шокированных людей массово доставляли в больницу» [4].

Правительство Северной Кореи взяло деньги, имевшие определенную стоимость, и сделало их совершенно бесполезными. Довольно странное приращение властных полномочий.

Еще более странно этот акт выглядит на фоне событий, происходивших в то время в США. В ответ на финансовый кризис 2008 года ФРС агрессивно «накачивала ликвидностью» финансовую систему. Понятие ликвидности мы подробнее рассмотрим чуть позже. Сейчас же скажу, что ФРС делала все возможное для понижения процентных ставок. После серьезного спада экономической активности на рынке недвижимости этот шаг обеспечивал переживавшим трудные времена банкам, компаниям и потребителям более легкий доступ к кредитам. И вот тут мы сталкиваемся со странностью почти северокорейского масштаба: ФРС достигла этой цели за счет создания новых денег. Иными словами, взяла их практически из ниоткуда. В здании Федерального резервного банка Нью-Йорка есть комната без окон, в которой трейдеры в буквальном смысле слова создали новые электронные деньги и использовали их для покупки финансовых активов на миллиарды долларов. В результате этих усилий в период с января 2008 года по январь 2014-го ФРС влила в американскую экономику примерно три триллиона долларов новых денег [5].

Причем в один момент этих денег просто не существовало, а уже через минуту трейдер, действовавший от имени ФРС, приобретал облигации, принадлежавшие различным частным финансовым институтам, оплатив их путем передачи электронных средств на счета фирм-продавцов. Новые деньги. Деньги, которых и в помине не было всего несколько секунд назад. *Щелк.* Именно с таким звуком человек, сидящий за компьютером в здании

ФРС в Нью-Йорке, создавал миллиард долларов и покупал на него активы Citibank. *Щелк, щелк*. Вот вам еще два миллиарда долларов.

Если Верховный лидер Северной Кореи брал деньги, имевшие определенную стоимость, и полностью обесценивал их, то ФРС поступала наоборот: генерировала деньги из ничего. Ни северокорейский вон, ни доллар США не имеют никакой внутренней стоимости. Вы не можете отнести купюры в выпустивший их государственный институт и потребовать взамен что-нибудь материальное, скажем золото, рис или растительное масло (хотя в США вас по крайней мере не отправят за подобные действия в трудовой лагерь). Северная Корея может уничтожить деньги, а США — создать новые по одной и той же причине: в обеих странах деньги просто бумага, а сегодня это все чаще биты и байты на экране компьютера.

И это подводит нас к третьей странности, происходившей примерно в то же время, когда Северная Корея уничтожала свои деньги, а США создавали новые: американские заключенные начали совершать сделки с использованием упаковок скумбрии. Да-да, рыбы в масле.

В США заключенным не разрешается иметь наличные. Вместо этого у них, как правило, есть счета в тюремной лавке, где можно приобрести товары первой необходимости. При отсутствии денег в их качестве могут выступать продукты, которые продаются в лавке: марки, шоколадные батончики и прочие мелочи. На протяжении всей истории человечества торговля такого рода существенно упрощалась, когда люди заключали неформальное соглашение о единой расчетной единице, как, например, сигареты в лагерях для военнопленных во время Второй мировой войны. В американских тюрьмах после введения в 2004 году федерального запрета на курение золотым стандартом для торговли стали упаковки консервированной скумбрии [6]. (Консервы поставляются в тюрьмы в пластике, а не в жестянках, чтобы заключенные не использовали заточенные банки в качестве холодного оружия.) Их легко переносить, и они долго хранятся. Любопытно, что вне тюремных стен консервированная скумбрия особым спросом не пользуется, даже при наличии скидки в сетях розничной торговли. Но за решеткой эта рыба превосходит в цене тунца, крабов, курицу и устриц — отчасти потому, что в тюремной лавке упаковка скумбрии продается примерно за доллар, так что при ее использовании в роли валюты довольно легко соотнести сделку со сделкой в долларах. В отличие от доллара или вона скумбрия имеет некоторую внутреннюю стоимость: вы всегда можете ее съесть.

По сути, если бы северокорейская или американская экономика работали на скумбрии, ни Верховному лидеру, ни ФРС не удалось бы сделать то, что они сделали. Верховный лидер не выступил бы по телевидению с заявлением, что отныне скумбрия ничего не стоит. Скумбрия и после этого осталась бы скумбрией. Вас, возможно, арестовали бы, если бы вы попытались обменять несколько упаковок рыбы на зимнее пальто, но вы всегда могли держать консервы в подвале и питаться ими в голодные времена (а в Северной Корее они наступают регулярно). Нельзя объявить не имеющим стоимости то, что изначально ее имеет. Правда, авторитарное правительство могло бы попробовать конфисковать у людей всю скумбрию, но это уже другая, гораздо более сложная задача.

Точно так же и ФРС не может мгновенно влить в экономику миллионы упаковок скумбрии, которых раньше не существовало. Никому не под силу, сидя в комнате без окон в здании ФРС, нажать кнопку и набить до отказа Citibank рыбными консервами. *Щелк, щелк, щелк*. Звук тот же, а скумбрии как не было, так и нет.

Почему же у денег столько странностей? Первая и самая важная причина — они не являются синонимом богатства. Дом — это богатство. В нем можно жить или сдавать его в аренду. Мешок риса — тоже богатство. Вы можете его продать, съесть, посадить или сохранить, чтобы позже сделать с ним что-либо из перечисленного. Однако мешок риса, в отличие от дома, относительно единообразный продукт, что обеспечивает его потенциальную ценность как средства обмена. Вы можете принять его в качестве оплаты, даже если не особенно любите рис, точно так же как заключенные, вовсе не фанатеющие от рыбных консервов, всегда готовы рассчитаться ими. Почему? Потому что много других людей обожают рис (или рыбные консервы). Рис ценен отчасти потому, что он имеет ценность для других людей. Это ключевая особенность товаров, которые на протяжении всей истории человечества служили средством обмена в разных культурах: соль, золото, сигареты, дельфины зубы, ожерелья из раковин, шкуры животных.

А теперь давайте немного расширим пример и предположим, что у вас в подвале есть десять 15-килограммовых мешков риса. Вам, конечно, не нравятся перспектива таскать их с собой для проведения торговых сделок. Тогда вы изготавливаете десять элегантно оформленных бумажных сертификатов, каждый с вашей подписью и клятвой выкупить его за мешок риса. Один

сертификат вы отдаете своему тренеру по гольфу и объясняете, что он, как и другие владельцы такого сертификата, может в любое время прийти к вам домой и заявить свои права на один мешок риса из вашего подвала. В результате вы создаете бумажные деньги, хотя они и обеспечены конкретным товаром (мешками риса).

А если тренер по гольфу рассчитается вашим рисовым сертификатом с женщиной, выгуливающей его собаку, стало быть, вы создали бумажные деньги, имеющие хождение. Теперь любой владелец такого сертификата, решив, что ему нужен рис, сможет выкупить его у вас. В противном случае мешки с рисом могут лежать в вашем подвале довольно долго, а люди тем временем будут использовать бумажные сертификаты для торговли. В этом и заключается парадокс: до тех пор пока владельцы рисовых сертификатов уверены, что могут в любое время обменять их на рис, большинство не станут торопиться. Однако при малейших сомнениях — как оправданных, так и беспочвенных — в ценности сертификатов у вашей двери соберется толпа их обладателей, которые будут стучать в нее и требовать свой рис. И оказывается, эта потенциально дестабилизирующая особенность присуща не только товарным деньгам, но и финансовой системе в целом. Даже существование самых сложных финансовых систем обусловлено тем, как люди оценивают свои шансы на процветание или провал.

Во-вторых, современные деньги зависят от доверия. Рассмотрим любопытный пример с индийскими рупиями. Согласно правилам Резервного банка Индии любая грязная или рваная банкнота остается законным платежным средством, если на ней можно рассмотреть две цифры серийного номера (в США, кстати, действует то же правило)*. По закону, если вы принесете в любой индийский банк мятую, грязную или рваную купюру, ее обязаны заменить на другую, хрустящую и красивую. Однако, оказавшись на улицах Мумбаи, вы непременно столкнетесь с нежеланием принимать ваши рваные или потертые рупии, даже если серийные номера четко видны и не повреждены. Ни продавцы в магазинах, ни таксисты, ни уличные торговцы, и, следовательно, никто из тех, кто, как ожидается, ведет с ними бизнес, у вас их не возьмут. Никто не хочет, как дурак, тащиться с грязной купюрой в банк

* Любые деньги, объявленные государством законным платежным средством, должны приниматься в стране в качестве оплаты всех государственных и частных долгов. Двадцать долларов в вашем бумажнике, возможно, не имеют внутренней стоимости, но в США это законное платежное средство.

для обмена. Конечно, если бы все без исключения принимали такие деньги, никому бы не пришлось нести их в банк. В США я не задумываясь возьму порванные, мятые, разрисованные, склеенные доллары, банкноты с написанными на них телефонными номерами и даже доллары с вырезанным портретом Джорджа Вашингтона. Если на купюре, которую мне протягивает продавец в Starbucks, сохранились две цифры серийного номера, я ее возьму — так же, как и любой посетитель кафе (именно поэтому я, собственно, и не подумаю отказываться от грязной бумажки).

Но в Индии все по-другому. Никто не примет у вас рваные рупии, потому что потом их никто не возьмет. Понятно, что, находясь в командировке в Индии, я тоже отказываюсь их принимать, тем самым увековечивая это явление.

Любопытно, что в Сомали в начале 2000-х годов происходило нечто обратное: процветали деньги, не имеющие законной ценности. Для небольших сделок люди выбирали сомалийский шиллинг, который не считался законным платежным средством. (Для крупных сделок, как правило, использовались доллары США.) Из-за затяжной гражданской войны Центральный банк Сомали был закрыт. Предполагалось, что за кредитно-денежную политику отвечает переходное федеральное правительство, но сфера его полномочий, в сущности, ограничивалась пределами столицы страны Могадишо. С правовой точки зрения сомалийский шиллинг на тот момент был примерно таким же законным, как деньги из игры «Монополия». Банкноты, ходившие в обращении, были выпущены два десятилетия назад правительством, которого больше не существовало. Как писал Economist, «использование бумажных денег обычно базируется на вере народа в выпустившее их правительство» [7]. В Сомали на протяжении нескольких десятилетий* фактически не было никакого правительства, а деньги — не что иное, как простые клочки бумаги, — тем не менее, продолжали вполне успешное хождение. Почему?

Наиболее короткий и вразумительный ответ: люди принимали сомалийские шиллинги, потому что их у них принимали другие. Если же вникнуть в тему немного глубже, то для этого имелось несколько причин. Во-первых, шиллинги были удобны в качестве платежного средства при заключении мелких сделок. Подобно тому как заключенные в американских тюрьмах привыкли устанавливать цены и проводить небольшие операции в упаковках

* Переходное правительство прекратило свое существование в 2012 году; тогда же возобновилась работа Центрального банка Сомали.

сумбрии, сомалийцы привыкли покупать чай и хлеб за шиллинги. Каждый довольно четко представлял, сколько шиллингов должен стоить, скажем, небольшой кусок мыла. Во-вторых, для Сомали характерна мощная система клановых и родственных связей. В отсутствие правительства данная система функционировала как сильный социальный клей, который подкреплял веру людей в шиллинг. Члены этой сети ожидали, что другие ее члены непременно примут у них шиллинги при взаиморасчетах. Как объяснял тогда Economist, «бумажные деньги всегда нуждаются в молчаливом согласии и готовности своих пользователей обменивать купюры на реальные товары. Но в Сомали этот пакт гораздо мощнее: человек, попирающий систему, рискует подорвать доверие как к себе, так и ко всему своему клану» [8].

И наконец, полное отсутствие законного правительства в этом случае играло на руку ценности бумажных денег. Предложение шиллингов было более-менее фиксированным, поскольку не было правительства, которое могло бы увеличить их количество. Напротив, квазифункционирующие правительства, стараясь любым способом удержаться у власти, часто безрассудно эксплуатируют печатный станок. (Возьмите, к примеру, введенный в 1990-х годах белорусский рубль, который больше известен, как зайчик, — отчасти из-за того, что на банкноте изображен заяц, а отчасти из-за потрясающей способности этой валюты к размножению.) Единственным источником роста предложения сомалийских шиллингов во время гражданской войны была деятельность фальшивомонетчиков, но количество высококачественных подделок было ограничено, так как для их изготовления требовались специальные навыки, талант, оборудование и материалы. По этой причине предприятия и даже сомалийские банки иногда принимали высококачественные поддельные банкноты, руководствуясь абсолютно убийственной логикой, которая объяснялась в одном тогдашнем новостном выпуске так: «Оказывается, имитация того, что уже имеет некоторую условную стоимость, тоже чего-то стоит» [9]. Это все равно что банк согласился бы принимать поддельные деньги из игры «Монополия» — и не просто поддельные деньги, а фальшивые поддельные деньги.

Но что же такое подделка в данном контексте? Рваные индийские рупии — настоящие деньги, но вы не можете купить на них и чашку чая. Сомалийские шиллинги — и уж конечно, поддельные сомалийские шиллинги — в условиях отсутствия правительства, способного объявить их законным платежным средством, безусловно, не настоящие деньги, но как раз на них-то чашку

чая вы точно купите. И вот здесь все предельно просто: если вы можете легко и предсказуемо обменять что-либо на товары и услуги, это деньги. Если не можете, это не деньги. Кстати, между этими двумя экстремумами даже существует некий континуум. Например, менялы по всей Африке для новых американских долларов предлагают лучший обменный курс, чем для старых и потрепанных. А стодолларовая банкнота с подписью нынешнего секретаря Казначейства США обменивается по более выгодному курсу, чем сотня, подписанная Джоном Сноу (секретарь Казначейства при администрации Буша) или Робертом Рубиным (администрация Клинтона). За чистые, хрустящие банкноты вам дадут больше, чем за старые, грязные и потертые. Мало того, стодолларовая бумажка ценится выше, чем пять двадцаток [10].

Все это, конечно, совершенно бессмысленно с точки зрения жителей США, но в дифференциации, сложившейся в Африке, есть определенная логика. *Wall Street Journal* объясняет ее так: «Одни менялы и банки боятся, что крупные долларовые банкноты окажутся фальшивками. Другие предпочитают иметь дело с мелкими купюрами. Третьи не хотят рисковать, опасаясь, что потом старые или поврежденные купюры у них никто не возьмет. А некоторым просто не нравится вид потрепанных денег» [11]. И как это обычно бывает с деньгами, нынешнее поведение людей влияет на их дальнейшее поведение. В итоге сотрудники одного международного круизного судна, заходящего в несколько портов в Африке, начали жаловаться своим работодателям, что с ними расплачиваются в основном старыми купюрами — слишком много сотен с подписью Роберта Рубина и совсем мало с подписью Генри Полсона (секретарь Казначейства США в 2006–2009 годах).

А теперь вернемся ненадолго назад. Все деньги — от долларов до упаковок консервированной скумбрии — в идеале должны служить трем целям. Во-первых, выполнять функцию *меры стоимости*. Приписывая той или иной вещи определенную ценность, люди мыслят в конкретных денежных единицах. Предположим, вы проходите собеседование при приеме на работу и вам говорят, что ваша стартовая зарплата составляет шесть голов крупного рогатого скота и одиннадцать ящиков апельсинов в месяц. Это хорошая зарплата? Навскидку сложно сказать, верно? Чтобы это понять, вам нужно перевести крупный рогатый скот и апельсины в доллары, и тогда названная зарплата обретет для вас какой-то смысл. Мера стоимости — будь то доллары, иены или дельфины зубы — это, по сути, нечто вроде универсального

конвертера. Благодаря ей нам не приходится вычислять, сколько морковок должен стоить шерстяной свитер и, еще лучше, Toyota Corolla, цена которой эквивалентна стоимости 27 телевизоров с плоским экраном, или Honda Civic, которая стоит столько же, сколько три тысячи учебников вводного курса экономики. Мы просто переводим все это в доллары и без труда сравниваем. Даже несмотря на постепенное исчезновение физических денег из нашей жизни, мы всегда будем нуждаться в той или иной мере стоимости для установления цен при заключении торговых сделок. Сегодня в Starbucks я могу не платить наличными, а провести картой по специальному устройству, но когда с карты списывается стоимость большой чашки кофе, я все равно мыслю в долларах и центах.

Во-вторых, деньги — это *средство накопления*, позволяющее нам принимать платежи сегодня и использовать эту покупательную способность позже. Скажем, тюремный парикмахер на данный момент не имеет возможности удовлетворить все свои желания, поэтому он складывает полученные за стрижку от заключенных упаковки скумбрии в камере под нарами. Любой человек, принимая доллары в качестве оплаты, в достаточной степени уверен, что их стоимость в ближайшем будущем сохранится. То же самое касается мешков риса или «вечных» почтовых марок, которые могут быть использованы для отправки одного письма стандартного размера в любом месте США в любой момент в будущем — до тех пор, пока будет существовать Почтовая служба США. На протяжении всей истории человечества роль денег по вполне очевидным причинам играли, как правило, нескоропортящиеся продукты, такие как соль, табак и шкуры животных, а не яблоки, цветы или свежая рыба. Это и понятно, ведь тюремный парикмахер, который складировал бы в камере свежую скумбрию, очень быстро лишился бы львиной доли своего богатства (и, скорее всего, большинства клиентов тоже).

Безусловно, именно эта функция денег и сделала денежные махинации в Северной Корее злонамеренными и коварными. Жестко ограничив количество старых вон, подлежащих обмену на новые, правительство страны попросту уничтожило сбережения граждан, вселявшие в них хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне. Пачки вон, спрятанные у людей под матрасами и ассоциировавшиеся с возможностью удовлетворить потребность в продуктах питания, одежде, бытовой технике и прочих необходимых вещах, в одночасье после объявленных Верховным лидером ограничений на обмен превратились в макулатуру, годную разве что для разведения огня

или посещения туалета*. Нечто подобное произошло и в американских тюрьмах в 2004 году. До этого главной тюремной валютой считались сигареты, а не рыбные консервы. Но после запрета курения в исправительных учреждениях заключенные, имевшие большие запасы сигарет, вероятно, испытывали те же чувства, что и менялы с черного рынка в Северной Корее: им очень крупно не повезло.

И наконец, деньги играют роль *средства обращения*, то есть их с относительной легкостью можно использовать для проведения торговых операций. Эту функцию вполне успешно выполняет бумажная валюта. Пачка сто-долларовых купюр прекрасно помещается в бумажнике и при этом может быть обменена практически на все, что пожелаете, как законное, так и незаконное, как в США, так и за их пределами. В разных культурах средством обращения служили золото, серебро и другие драгоценные металлы. Сегодня по всей Африке в этой роли выступают prepaid минуты в мобильном телефоне. Мобильное эфирное время можно перевести на другой телефон, конвертировать в наличные или использовать для расчета в магазине [12]. Мобильные минуты обладают внутренней стоимостью, а сотня долларов в вашем кошельке — нет. Важный момент: чтобы быть ценными, деньгам необязательно иметь внутреннюю стоимость, достаточно уже того, что они облегчают обмен и способствуют торговле.

Современная экономика процветает, потому что мы можем специализироваться на производстве определенных продуктов, а затем продавать их тем, кто производит другие продукты. Деньги — в любой форме — упрощают данную процедуру. Economist резюмирует этот фундаментальный принцип следующим образом: «Если бы инопланетянину показали комнату, набитую золотыми слитками, пачки двадцатидолларовых банкнот или компьютер с рядами чисел на экране, он бы наверняка озадачился тем, какую функцию они выполняют. Наше почтение к этим объектам может показаться столь же странным, как и поведение самца шалашника, который, чтобы привлечь самку, украшает свое гнездо разными блестящими штучками» [13]. Деньги — это средство для достижения цели, способствующее

* Я упомянул о туалете вовсе не для красного словца. В 1990-е годы на пике гиперинфляции в Зимбабве тысячедолларовая бумажка тамошнего доллара стоила дешевле туалетной бумаги, из-за чего в туалетах в кафе соседней ЮАР появились таблички, призывающие клиентов не бросать доллары в унитаз.

специализации и торговле, которые повышают нашу продуктивность и, следовательно, делают нас богаче.

Теперь, после того как мы определили основные функции денег, нетрудно понять, почему они стали именно такими, как сейчас. Во-первых, деньги мобильны, то есть вы можете без труда переносить их с места на место для использования в торговых операциях. Мешки с рисом удовлетворяют этому требованию гораздо меньше, ведь двадцать долларов могут стоить килограмма три, а то и больше крупы. Впрочем, мешки риса в подвале дома — вовсе не такой уж экстравагантный и гипотетический пример, как могло показаться, когда вы об этом прочитали; проблему переносимости вполне эффективно решает эмиссия бумажных сертификатов на товар. В 2010 году, когда Гаити восстанавливалась после ужасного землетрясения, ООН занималась распределением гуманитарной продовольственной помощи голодающим. Система прямого распределения была в тех условиях небезопасной и хаотичной, поскольку работники, сбрасывавшие мешки с едой с грузовиков, провоцировали бы драки и погромы. Поэтому ООН предпочла систему купонов — по сути, вариацию рисового сертификата. Каждый купон погашался путем обмена на мешок риса весом около 25 килограммов. Хранить купоны было гораздо безопаснее, чем запасы риса; агентства по оказанию помощи гаитянам могли распространять их среди широких слоев населения, в то время как рис хранился на немногочисленных надежно охраняемых складах-распределителях. Кстати, эти купоны вскоре стали валютой, которую можно было обменять на многие дефицитные товары [14].

Во-вторых, деньги должны быть долговечными. Вам вряд ли бы понравилось, если бы ваши пенсионные сбережения разлагались, плавились, гнили, ржавели, были съедены крысами или исчезли каким-то иным образом. Кроме того, деньги лучше всего выполняют свою функцию, когда они делимы, чтобы можно было без проблем давать сдачу и проводить сделки различных масштабов. Сотенные купюры очень удобны для торговли, как и однодолларовые для менее значимых операций. А вот золото, например, для многих мелких сделок слишком ценно; в нынешних ценах пачка жевательной резинки стоила бы около двадцатой части грамма этого металла, меньше песчинки. Следует отметить, что общества часто придумывают разные хитроумные способы справиться с отсутствием мелкой сдачи. Например, Зимбабве со временем отказалась от собственной валюты и ввела доллар США; теперь

в стране ходят бумажные деньги, но монет мало. Поэтому зимбабвийские торговцы, принимая у покупателя доллары, нередко дают сдачу конфетами, спичками и даже презервативами [15].

И наконец, самое главное — деньги должны быть предсказуемо дефицитными. Драгоценные металлы тысячелетиями использовались в качестве денег не только потому, что они от природы красивы, но и потому, что их количество ограничено. Золото и серебро поступают к нам со скоростью обнаружения их месторождений и добычи; дополнительно их не получить, по крайней мере, дешевого способа я не знаю. Сырьевые товары вроде риса и табака можно выращивать, но это тоже требует приличных затрат времени и ресурсов. Никакой диктатор, даже Роберт Мугабе из Зимбабве, не может приказать правительству произвести 100 триллионов тонн риса. Зато этому человеку без проблем удалось напечатать и распространить по стране триллионы новых зимбабвийских долларов, которые в результате настолько обесценились, что стали дешевле туалетной бумаги. На пике кризиса в ноябре 2008 года ежемесячная норма инфляции в Зимбабве достигла приблизительно 80 миллиардов процентов [16].

В итоге мы наблюдаем настоящий парадокс: деньги, используемые в США, Канаде, Европе, Японии, Китае и любой другой развитой стране или регионе, могут эмитироваться в каких угодно количествах. Это так называемые фидуциарные (фиатные) деньги, выпуск которых не обеспечивается золотом, а номинальная стоимость устанавливается и гарантируется правительством, объявившим их законным платежным средством. Сто лет назад те же страны использовали товарные деньги: золото, серебро или их некую комбинацию. Как же получилось, что во имя прогресса все наиболее экономически развитые страны перешли от дефицитных денег с внутренней стоимостью к деньгам, которые ее не имеют и могут поступать на рынок практически в неограниченном количестве? К тому же сегодня нам не требуется даже специальной бумаги и краски: достаточно нескольких нажатий клавиш на компьютерной клавиатуре. Так как же следует расценивать все, что происходит со времен ведения торговли с использованием шкур животных — как прогресс или регресс?

В этой книге я намерен доказать, что фидуциарные деньги способствуют процветанию и стабильности. Благодаря им мы живем лучше, чем жили бы с деньгами, обеспеченными золотом, серебром или чем-то другим.

И подобного мнения придерживается большинство экономистов. Школа бизнеса имени Бута при Чикагском университете периодически проводит опросы на злободневные политические темы среди известных экономистов с разными идеологическими взглядами и убеждениями. В 2012 году она попросила примерно сорок экономистов ответить на вопрос, жилось бы среднестатистическому американцу лучше с точки зрения таких критериев, как ценовая стабильность и занятость, если бы США заменили свои нынешние фидуциарные деньги долларом, привязанным к фиксированному количеству золота, то есть если бы мы вернулись к золотому стандарту? И как думаете, сколько экспертов сказали, что это хорошая идея? Ни один [17]. К слову, за все годы, что я слежу за результатами опросов Школы бизнеса имени Бута (так называемым IGM Forum), не припомню другого случая подобного единодушия.

Короче говоря, экономисты считают (и приводят массу убедительных доказательств), что деньги без внутренней стоимости гораздо предпочтительнее для современной экономики, чем деньги, привязанные к фиксированному количеству какого-либо товара. Это в высшей степени противоречащая здравому смыслу идея, учитывая, что одна из важнейших характеристик денег — их дефицит. Фидуциарные деньги привели к катастрофической гиперинфляции. Кто из нас не видел фотографий времен Веймарской республики, на которых немцы толкают перед собой наполненные купюрами тачки, чтобы купить в магазине товары первой необходимости? В противоположность этому вы не найдете ни одного задокументированного случая гиперинфляции с участием товарных денег, что, конечно же, логично и объяснимо. Ведь никто, даже жестокий самодур Роберт Мугабе, не способен в считанные месяцы увеличить на миллион процентов предложение риса, масла или золота.

Чтобы разобраться в этом кажущемся интеллектуальном противоречии, немного порассуждаем. Если бы мы могли с нуля создать идеальные деньги, какими бы они были? Очевидно, что они должны были бы выполнять три описанные выше функции: служить удобной мерой стоимости, средством обращения и накопления. Следовательно, нам нужно нечто легко переносимое, долговечное, делимое и предсказуемо дефицитное. Почти всем этим критериям соответствует золото (за исключением некоторых проблем со сдачей). Но и у золота есть недостатки. Из него можно изготовить потрясающей красоты ювелирные изделия, но диапазон других областей его

применения сильно ограничен. Если, скажем, на Землю упадет астероид и вы окажетесь запертым в подвале с кучей накопленного золота, вряд ли это придаст вам сил и вряд ли вы почувствуете себя невероятным богачом и везунчиком. А вот человек с запасами питьевой воды и консервированных бобов будет на вашем фоне Биллом Гейтсом.

Впрочем, проблем достаточно и без астероидов. Дело в том, что запасы золота вовсе не обязательно будут увеличиваться теми же темпами, что и экономика в целом. Если в результате таяния льдов в Арктике будут открыты новые месторождения золота, его количество по отношению к другим товарам резко возрастет, что приведет к инфляции. Если же предложение нового золота отстанет от темпов экономического роста, неизбежна дефляция. Даже если бы добыча этого металла увеличивалась нужными темпами — то есть параллельно экономическому росту, ведя в итоге к ценовой стабильности в нормальных условиях, — все равно значительная часть его известных мировых запасов находится в Китае и России. А поскольку мы с вами пытаемся разработать идеальную валюту, то, уж конечно, не станем доверять контроль над денежной массой иностранным державам, чьи интересы не всегда совпадают с нашими. Получается, что золото далеко не идеальные деньги.

Мы могли бы выбрать какой-нибудь другой товарно-сырьевой ресурс, скажем мешки риса или пшеницы. Они отлично делятся на мелкие части, и их предложение не контролируется Россией или Китаем. Да и проблема мобильности вполне решаема; представьте себе банк, который хранит мешки риса или пшеницы и эмитирует бумажные деньги, обеспеченные этими активами. Все операции можно было бы проводить с помощью бумажных денег либо их электронного эквивалента, но, в отличие от нынешних долларов, каждый сертификат погашался бы в товарном банке чем-то с внутренней стоимостью. В итоге мы получили бы легко переносимые деньги, предсказуемую меру стоимости, неплохое средство накопления (при условии, что банк способен защитить рис от крыс и возможной порчи) — причем без малейшего риска гиперинфляции.

Но захочется ли вам, чтобы все ваше богатство было привязано к рису или пшенице, особенно учитывая, что эти культуры менее предсказуемы, чем вы могли подумать? Предположим, какой-то фермер изобретает новую технологию, которая повышает их урожайность втрое или вчетверо (как это действительно произошло в новейшей истории). И что? Ваши сбережения

тут же девальвировались бы вследствие резкого увеличения предложения риса. Или, наоборот, на рис напала бы какая-то порча и уничтожила все накопленные запасы. Впрочем, даже в нормальных условиях у нас нет оснований полагать, что предложение выбранного нами в качестве денег сырьевого товара будет увеличиваться параллельно экономическому росту, то есть цены на него будут расти или снижаться в зависимости от его количества по отношению к другим продуктам. Вы бы согласились подписать долгосрочный контракт, деноминированный в рисе, не будучи уверенными в ценности последнего по сравнению с другими товарными ресурсами через десять, двадцать или тридцать лет?

К счастью, существует простое решение проблемы, связанной с неопределенностью предложения любого конкретного товара: деньги, обеспеченные продуктовой корзиной. Допустим, каждый такой «товарный доллар» можно обменять на килограмм риса, галлон бензина, кварту молока, шесть песен на iTunes и тому подобное. Безусловно, учет при такой системе несколько усложнится, но потребители к ней привыкнут, если, конечно, стоимость денег останется стабильной. Владельцы долларов будут надежно защищены от внезапного увеличения или уменьшения предложения какого-либо одного продукта из корзины. Эта валюта будет иметь реальную, четко определенную покупательную способность. И чем больше продуктовая корзина, обеспечивающая эти деньги, тем стабильнее будет их стоимость и тем точнее она будет коррелироваться с ростом экономики в целом.

Не забывайте, что мы с вами просто рассуждаем, так что не грех немного помечтать. Представьте себе деньги, которые можно принести в некую темную сырую комнату и обменять на определенное количество продуктов питания, энергии, электроники, автомобилей, велосипедов. Эти вымышленные деньги обеспечены не просто золотом или рисом, а широкой выборкой всех регулярно потребляемых вами товаров и услуг. Более того, их покупательная способность по отношению к разнообразной корзине продуктов колеблется всего на несколько процентов в год. Иными словами, вы не только прекрасно представляете, что можно купить на эти деньги сегодня, но и что можно на них купить в будущем. Словом, эти потрясающие гипотетические деньги обладали бы всеми преимуществами денег, обеспеченных каким-то одним товаром, но без присущих им недостатков. Каждая денежная единица подлежала бы погашению корзиной продуктов с предсказуемыми темпами и на протяжении длительного периода времени.

Итак, мы подошли к самой умопомрачительной части нашего упражнения: то, что я только что описал, — это доллар, евро, иена и многие другие фидуциарные деньги. Да, это просто бумажки (или биты и байты), но когда их эмитенты должным образом выполняют свою работу, эти бумажки (и биты и байты) имеют предсказуемую стоимость относительно широкой корзины товаров и услуг даже в весьма отдаленном будущем.

Этим и обусловлена сложность задачи, стоящей перед современной кредитно-денежной политикой. Центральные банки могут создавать деньги из ничего; они также могут убирать их из экономики. *Щелк, щелк, щелк.* Этого звука управляющим центральными банками достаточно, чтобы увеличить или уменьшить денежную массу. Ответственные управляющие манипулируют фидуциарными деньгами, чтобы пресекать финансовую панику и обеспечивать стабильный экономический рост. Безответственные политики порой используют власть для создания денег с таким безрассудством, что национальная валюта становится дешевле туалетной бумаги.

В истории человечества не раз случалось и то, и другое.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

